

С. В. Березкина

К вопросу о восприятии Н. С. Мордвинова в русском обществе: послание А. С. Пушкина и другие литературные отклики 1820-х гг.¹

Послание «Под хладом старости угрюмо угасал...» не было напечатано А. С. Пушкиным при жизни. О том, что поэт посвятил его адмиралу (с 1834 г. графу) Николаю Семеновичу Мордвинову (1754–1845), сенатору с 1802 г., члену Государственного совета (1810–1838), президенту Вольного экономического общества (1823–1840), члену Российской академии, — впервые написал П. В. Анненков². Вот текст этого произведения:

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и зеницы
И с шумной радостью взыграл и полетел
Во сретенье твоей денницы.

10 М^{<ордвинов>}, не вотще Петров тебя любил,
Тобой гордится он и на брегах Коцита:
Ты лиру оправдал, ты ввек не изменил
Надеждам вещего пинта.

Как славно ты сдержал пророчество его!
Сияя доблестью, и славой, и наукой,

¹ Статья посвящается памяти Юрия Владимировича Стенника. Она написана с использованием комментария к новому академическому собранию сочинений Пушкина (т. 3, кн. 2), созданного при его участии.

² Адресат стихотворения впервые указан: *Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 355.*

В советах недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой.

Так, пенистый поток с вершины гор скатясь,
Стоит седой утес, вотще брега трепещут,
Вотще грохочет гром и волны, вокруг мутясь,
И увишаются и плещут.
20

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.³

Для того чтобы понять замысел стихотворения, необходимо четко представлять себе момент, когда оно было написано. В отношении послания «Под хладом старости угрюмо угасал...» это трудно, поскольку датируется оно исключительно по положению автографа в рабочей тетради Пушкина. Записано послание в той части рабочей тетради Пушкина⁴ (далее: тетрадь ПД 833), которая заполнялась в 1826–1827 гг., и не вполне ясно, в какой из месяцев описанного периода оно появилось на л. 80–79 об.⁵

На период 1826–1827 гг. пришелся важный жизненный рубеж, связанный с аудиенцией, которую Пушкин получил 8 сентября 1826 г. у Николая I, когда он «примирился» с царем и дал обещание ничего не писать против правительства. Поэтому чрезвычайно важно понять, до или после этого момента Пушкин написал послание к Н. С. Мордвинову.

Обзор датировок произведения по различным изданиям был дан в статье Ю. В. Стенника «Стихотворение Пушкина “Мордвинову” (К истории создания)»⁶. О времени его написания высказывались следующие суждения: 1825 г. (все издания Пушкина, выходившие с момента первой публикации стихотворения в 1855 г.⁷, вплоть до появления большого академического собрания сочинений), 1826 г. (датировка Т. Г. Цывловской в большом академическом собрании сочинений Пушкина)⁸, июль 1827 г. (датировка Б. В. Томашевского в малом академическом собрании сочинений Пушкина)⁹, лето или начало осени 1825 г. (несохранившийся черновой автограф) – 1827 г. (беловик в рабочей тетради) (датировка Ю. В. Стенника)¹⁰, конец 1826 г. (датировка Д. Д. Благого)¹¹, последние числа декабря 1826 г. (датировка Р. В. Иезуитовой)¹².

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. С. 46.

⁴ ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 833. Л. 80–79 об.

⁵ Факсимильное воспроизведение: Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т. Факсим изд.] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 1999. Т. 3.

⁶ Русская литература. 1965. № 3. С. 180. См. также: Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 156–162.

⁷ См, например: Пушкин А. С. Соч. [В 7 т.] / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб., 1859. Т. 1. С. 583–584.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. С. 1136 (примеч. Т. Г. Цывловской).

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 3. С. 482–483.

¹⁰ Стенник Ю. В. Стихотворение Пушкина «Мордвинову» (К истории создания) // Русская литература. 1965. № 3. С. 180–181.

¹¹ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 137.

¹² Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 833 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 256–258.

Автограф стихотворения находится в тетради ПД 833 среди текстов, записанных Пушкиным в июле — первой половине октября 1827 г. (частично в Петербурге, большей частью в Михайловском — л. 83 об. — 77 об., заполнившиеся от конца рабочей тетради в ее перевернутом положении); это обстоятельство, однако, не может быть решающим при датировке послания, поскольку листы с текстом стихотворения могли быть заполнены в какой-то другой момент.

По почерку автографа «<Мордвинову>» несколько отличается от соседних записей. Из этого выросли две гипотезы. Во-первых, близость палеографических особенностей текста «<Мордвинову>» к автографу записи «О Гавр.<иле> Григ.<орьевиче> Пушк.<ине>» (ПД 833. Л. 74 об.), относящемся не к 1827 г., как указывалось в большом академическом собрании сочинений поэта¹³, а к 1825 г., когда Пушкин работал над «Борисом Годуновым»¹⁴, давала некоторое основание в пользу датировки стихотворения 1825 годом, которое Р. В. Иезуитова тем не менее справедливо сочла недостаточным для однозначного решения вопроса о времени его написания¹⁵. Следует отметить, что этим же годом датируется и другое свидетельство интереса Пушкина к деятельности Н. С. Мордвинова, отразившееся в проблематике эпиграммы «Заступники кнута и плети...» (1825).

Другая гипотеза выстраивалась на основе идейно-тематической, стилистической и, главное, лексической (упоминание «сибирских руд») переклички его с пушкинским посланием в Сибирь «Во глубине сибирских руд...», написанным в последних числах декабря 1826 г. — самом начале (не позднее 2-го) января 1827 г. Точки соприкосновения с замыслом «<Мордвинову>» обнаруживаются и в написанных Пушкиным 22 декабря 1826 г. «Стансах» («В надежде славы и добра...»), где к тому же есть и перекличка с текстом «<Мордвинову>»: рифма «наукой — Долгорукой»¹⁶. Это позволило в целом ряде авторитетных изданий Пушкина поставить стихотворение «<Мордвинову>» последним в отделье 1826 г.¹⁷, дав, таким образом, весьма значимый в плане идейного развития Пушкина переход к следующему хронологическому отделу издания 1827 г., открывающему посланием в Сибирь. Соотнесенность этих произведений поэта, объединенных общностью «декабристской» тематики (по мнению Р. В. Иезуитовой, «дань сибирских руд» — это «слово-сигнал для обозначения места ссылки декабристов»)¹⁸, делает достаточно вероятной датировку «<Мордвинову>» последними числами декабря 1826 г., тем более что полистное описание тетради ПД 833 дает для этого некоторые основания¹⁹.

Иной подход к вопросу о времени создания «<Мордвинову>» продемонстрировал Б. В. Томашевский, который рассматривал его исключительно в контексте работы Пушкина 1827 г. Видимо, он считал, что палеографическими отличиями автографа стихотворения можно пренебречь как незначительными. В таком случае реальным основанием для датировки стихотворения становится соседство его автографа с посланием «<Кирренскому>» (записан на следу-

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Справочный том. С. 62.

¹⁴ Передатировку см.: Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 833. С. 251–253.

¹⁵ См.: Там же. С. 257.

¹⁶ Указано: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 138.

¹⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. С. 46; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 162; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974; Т. 2. С. 95.

¹⁸ Иезуитова Р. В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826–1827 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 99.

¹⁹ См.: Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения). С. 258.

ющей странице — ПД 833. Л. 79). Р. В. Иезуитова обратила внимание на палеографическое сходство автографа «<Кипренскому>» с одной из поправок Пушкина в тексте стихотворения «Арион», записанном в тетради 17 июля 1827 г. (ПД 833. Л. 37). Эта особенность автографа позволила датировать текст «Кипренскому» в тетради ПД 833 второй половиной июля 1827 г.²⁰ Предположение о том, что послание «<Мордвинову>» писалось около (не позднее) этого срока, совпадает с мнением о времени написания этого стихотворения, высказанным Б. В. Томашевским (см. выше). Этот аргумент, однако, также не может быть решающим при определении датировки стихотворения.

Таким образом, приходится учитывать все факторы: положение автографа в тетради, его палеографические особенности, идейно-стилистические параллели. Поэтому наиболее корректной датировкой является следующая: последние числа декабря 1826 г. или июль 1827 г. Ни одна из этих хронологических вех не может быть сброшена со счетов при датировке стихотворения, приходится анализировать его в рамках двух локальных моментов в жизни Пушкина.

Активная государственная деятельность Н. С. Мордвинова привлекала внимание передовой части русского дворянства на протяжении нескольких десятилетий. Огромной популярностью пользовались выступления Мордвинова в Государственном совете и особые записки («мнения»), которые подавались им по вопросам, обсуждавшимся в этом высшем государственном органе, и затем распространялись в многочисленных копиях.

Наряду с М. М. Сперанским, А. П. Ермоловым и П. Д. Киселевым, Мордвинова планировали ввести во Временное революционное правительство руководители тайных декабристских организаций. Как полагают исследователи: «Содержавшаяся в многочисленных «мнениях» и записках адмирала... критика внутренней и внешней политики правительства, как и всего состояния государства, во многом была созвучна с мнением членов тайного общества и находила среди них горячий отклик»²¹. По отзыву о Мордвинове Н. И. Тургенева, «высоко честный, добрый, просвещенный человек... он восставал с благородным и горячим негодованием против всемогущества императорской власти. Его речи в общих собраниях [Государственного] Совета отличались крайней умеренностью и деликатностью выражений, причем эта изящная форма нисколько не ослабляла их силы и энергии»²².

Вероятно, именно общение в 1817–1820 гг. с братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми, хорошо знавшими Мордвинова, способствовало формированию представлений Пушкина о масштабности его многосторонней деятельности. В письме к П. А. Вяземскому от начала апреля 1824 г. поэт утверждал, что Мордвинов «заключает в себе одном всю русскую оппозицию»²³. Интерес Пушкина к личности Мордвинова отразился в истории создания эпиграммы «Заступники кнута и плети...» (1825) и набросках романа «<Русский Пелам>» (1834–1835)²⁴. В конце жизни Пушкин не раз бывал в доме Мордвинова²⁵.

²⁰ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения).

²¹ Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 64. См. также: С. 61–103 (глава «Друг ваш Мордвинов»).

²² Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. 1. М., 1915. С. 90–92. Ср.: Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 63–64.

²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. С. 91.

²⁴ Там же. Т. 8. С. 974.

²⁵ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. С. 269–270.

Послание «<Мордвинову>» создавалось в русле обостренного творческого интереса Пушкина к судьбе декабристов, отразившегося в ряде его замыслов 1826–1827 гг.²⁶ Стихотворение, возможно, было продиктовано и восхищением позицией Мордвинова, которую он занял во время следствия и суда над декабристами.

Несмотря на раздражение Николая I, Мордвинов и в этих сложных условиях остался верен своим убеждениям. 22 декабря 1825 г. он подал Николаю записку, в которой говорил о жестокости и бессмыслиности смертной казни. Записка должна была подтвердить мнение, высказанное Мордвиновым в ходе обсуждения этого вопроса в Государственном совете в 1824–1825 гг. Тогда он выразил решительный протест против смертной казни как наказания за установленную виновность, в том числе по «государственным преступлениям» — вплоть до покушения на жизнь императора и членов императорской фамилии, а также «возбуждения к бунту и народному возмущению». Говоря об этих преступлениях, Мордвинов писал очень осторожно, ссылаясь на мнение Синода, отказавшегося выразить одобрение казни В. Я. Мировича и Е. И. Пугачева²⁷.

Мордвинов был единственным из членов Верховного уголовного суда 1826 г., подавшим голос против смертной казни пяти декабристов, поставленных «вне разрядов». Своему мнению он дал юридическое обоснование, сославшись на указы императрицы Елизаветы (применение смертной казни было ограничено ее указами 1753 и 1754 гг., не касавшимися, впрочем, преступлений, которые карались смертной казнью по Воинскому артикулу 1716 г.), Екатерины Великой и Павла I²⁸. При обсуждении виновности осужденных по другим разрядам Мордвинов высказывался за меньшую меру наказания по сравнению с другими членами суда.

К 1826 г. относится обнаруженная в архиве Мордвинова записка, в которой он излагал свои соображения о возможном использовании на благо Сибири культурно-образовательного потенциала сосланных туда декабристов. Мордвинов предлагал создать особую академию, нацеленную на занятия точными и естественными науками. Подавался ли этот проект Николаю, неизвестно²⁹.

В 1826 г. Мордвинов подготовил ряд предложений, предназначавшихся для манифеста Николая I по случаю его восшествия на престол (одно из них, разрешавшее для крестьян и мещан делопроизводство на простой бумаге взамен гербовой, было принято).

Тогда же, в надежде на существенные перемены в государственной политике в связи с началом нового царствования, Мордвинов подал несколько записок, характеризующих тяжелое состояние российской экономики, финансов, образования и культуры. Для исправления положения он предлагал меры по улучшению положения казенных крестьян, изменению налоговой и тарифной политики, расширению прав портовых городов, строительству железных дорог, реформированию деятельности министерства народного просвещения

²⁶ См. об этом: Иезутова Р. В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826–1827 гг. С. 88–114.

²⁷ Архив графов Мордвиновых: В 10 т. / Сост., комм., вст. ст. В. А. Бильбасова. СПб., 1902. Т. 5. С. 688–691, 702–712.

²⁸ См.: Восстание декабристов: Документы. М., 1980. Т. 17. С. 144, 271.

²⁹ Архив графов Мордвиновых. Т. 7. С. V; Т. 8. С. 41–42.

и т. п. Так, в записке «Об исправлении финансов» Мордвинова (подана в марте 1826 г.) указывалось на необходимость увеличения добычи золота и составления карты подземных богатств России³⁰.

О деятельности Мордвинова после воцарения Николая I Пушкин, по-видимому, был хорошо осведомлен. Слова из пушкинского послания «Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд / Равно священны пред тобою» непосредственным образом перекликаются с содержанием одной из записок Мордвинова 1826 г.

Апелляция к образу Мордвинова как примеру бескорыстного и верного служения отечеству имела в русской поэзии свою традицию, подробно очерченную в статье Ю. В. Стенника³¹. Начало ей положил В. П. Петров, создавший в трудный для адмирала период «Оду его высокопревосходительству... Н. С. Мордвинову» (1796).

В ст. 1–8 послания Пушкин говорит об обстоятельствах жизни поэта Василия Петровича Петрова (1736–1799), которые резко ухудшились после смерти в 1791 г. поддерживавшего его Г. А. Потемкина. В дальнейшем помочь и покровительство ему оказывала Екатерина Великая. С ее кончиной творческая активность Петрова начала угасать. Назначенную Екатериной пенсию поэт сохранил не сумел³². Мордвинова и Петрова связывали дружеские отношения со временем их пребывания в Англии в 1770-х гг. В оде поэт обращался к нему как к своему другу (об этом Пушкин говорит в ст. 9–12 своего послания). Воздавая хвалу достоинствам Мордвинова, Петров писал: «Уж музами готовы / Венки ему лавровы! / Пророчит так Парнас, / И сбычив Божий глас»³³ – именно об этом пророчестве идет речь в ст. 13 Пушкина: «Как славно ты сдержал пророчество его!» Пушкин отметил в своем послании научные заслуги Мордвинова (см. ст. 14: «Сия доблестью, и славой, и наукой...»): он был автором работ, посвященных вопросам экономической и социально-политической жизни страны³⁴.

В послании Пушкин сравнивает Мордвинова с князем Яковом Федоровичем Долгоруким (1659–1720), сподвижником Петра, полководцем и государственным деятелем, прославившимся смелостью, с которой он позволял себе выступать против решений царя (см. ст. 16 Пушкина: «Стоишь ты, новой Долгорукой»). Пушкин упомянул его в связи с Петром в «Стансах» (1826), обращенных к Николаю I: «И был от буйного стрельца / Пред ним отличен Долгорукой». Образ Долгорукого был очень популярен в декабристских кругах. О нем неоднократно писал Рылеев, в частности, в оде «Гражданское мужество»: «...как твердый страж добра, / Дерзал оспоривать Петра»³⁵. Сам Мордвинов в одной из своих записок к Николаю I напоминал, что «обращается к Его Величеству с той же откровенностью, с которой беседовал он некогда с Екатериною

³⁰ Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873. С. 455–456. См. также: С. 456–461.

³¹ Стенник Ю. В. Стихотворение Пушкина «Мордвинову» (К истории создания). С. 173–179.

³² См.: Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 3. С. 428–429 (статья Н. Д. Кочетковой).

³³ Поэты XVIII века: В 2 т. / Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана; Подгот. текста и прим. Н. Д. Кочетковой, Г. С. Татищевой. Л., 1972. Т. 1. С. 416. (Б-ка поэта. Большая сер.).

³⁴ Библиографию работ Н. С. Мордвинова см.: Мордвинов Н. С. Избр. произведения. М., 1945. С. 253–254; Москаленко Л. Я. Общественно-политические взгляды и социальная программа Н. С. Мордвинова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1984. С. 8.

³⁵ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стих. / Изд. подг. А. В. Архипова, В. Г. Базанов, А. Е. Ходоров. Л., 1971. С. 91 (Б-ка поэта. Большая сер.).

Великою, с императором Павлом... и с Александром Благословенным»³⁶. Видимо, в этой связи именно в Мордвинове, по предположению Б. В. Томашевского, Пушкин надеялся увидеть «прямодушного и просвещенного советника царя»³⁷.

Д. Д. Благой писал о соотношении пушкинского произведения с одой Петрова: «Из всех стихотворений Пушкина этой поры послание к Мордвинову отличается наибольшей архаичностью формы. Обращаясь к сановнику, выросшему и созревшему еще в екатерининское царствование, автор словно бы хочет говорить с ним на привычном ему языке, с первой же строки устанавливая преемственную связь между своим произведением, выдержаным в державинских, одических тонах, и одой, обращенной в конце XVIII века к Мордвинову»³⁸.

Следует заметить, что «привычный ему язык» был более чем уместен, поскольку Мордвинов, что показательно, был очень дружен с А. С. Шишковым. Судя по наброскам «<Русского Пелама>», Пушкин хорошо представлял близкий Мордвинову круг. О способах «осторожной и умеренной архаизации словаря и синтаксиса» в послании Пушкина к Мордвинову (см., например, выражения «под хладом старости», «во сретенье твоей денницы», «вещего пиита», «на рамена», частое «вотще») писал В. В. Виноградов³⁹. По его мнению, в ст. 7–8 («И с шумной радостью взыграл и полетел Во сретенье твоей денницы») Пушкин дал «стилистическое развертывание в духе XVIII века образа *взыграть* из оды Петрова», заметив при этом, что «выражение — *взыграть* — типично одическое»⁴⁰.

Ср.:

Твоя, о друг! еще во цвете раннем младость,
Обильный обещая плод,
Лила во мысли мне живу предвестну радость:
Ты будешь отчества оплот.
Свершение надежды
Моими зря днесь вежды
И славу сбытия,
Не возыграю ль я?⁴¹

Об использовании в стихотворении Пушкина художественного арсенала русской одической поэзии пишет в своей работе К. Осповат⁴².

³⁶ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. С. XXI. О Мордвинове в период первых лет царствования Александра I см.: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительской политике России на рубеже XVIII и XIX веков. Л., 1988 (по указ.).

³⁷ Пушкин А. С. Стихотворения: В 3 т. Л., 1955. Т. 3. С. 820 (Б-ка поэта. Большая сер.).

³⁸ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 138.

³⁹ См.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 498. Ст. 23. О выражении «лепт вдовицы» (см. ст. 23), заимствованном из евангельской притчи и символизирующем дань нищего, В. В. Виноградов писал в другой своей книге, где привел примеры использования выражения в поэзии пушкинского времени (см.: Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.; Л., 1935. С. 175). В XVIII – начале XIX вв. слово «лепта (лепт)» употреблялось в форме как женского, так и мужского рода (см.: Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2000. Вып. 11. С. 154).

⁴⁰ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. С. 495, 496.

⁴¹ Поэты XVIII в. Т. 1. С. 417.

⁴² Осповат К. Об «одическом диптихе» Пушкина: «Стансы» и «Друзьям» (материалы к интертекстуальному комментарию) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. Материалы и исследования. М., 2001. С. 139.

В 1823–1824 гг. особое внимание к Мордвинову проявили члены Вольного общества любителей российской словесности, как известно, близко стоявшего к декабристским обществам. В 1823 г. К. Ф. Рылеев посвятил этому государственному деятелю оду «Гражданское мужество», которая должна была появиться на страницах «Полярной звезды» на 1824 г., но не получила одобрения цензуры (впервые напечатана в 1856 г. за границей, во 2-й книге «Полярной звезды» А. И. Герцена и Н. П. Огарева).

Поэтическая картина «седого утеса», неподвластного бурям и непогодам, возможно, появилась в произведении Пушкина (см. ст. 17–20) под влиянием Рылеева, завершившего оду о Мордвинове следующей строфой:

Так в грозной красоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мглистом:
Вокруг буря, град, и гром гремит
И ветр в ущельях воет с свистом,
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, Кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.⁴³

В. В. Виноградов, обративший внимание на параллелизм картин у Пушкина и Рылеева, заметил, однако, что «образ несокрушимого утеса, скалы, завершающий пушкинское стихотворение, — излюбленный образ одической поэзии XVIII века»⁴⁴. Еще одна яркая параллель двух стихотворных произведений о Мордвинове: ср. у Пушкина: «Ты зорко бодрствуешь над царскою казною...», у Рылеева: «Средь сонма избранных мужей / В совете бодрствует Мордвинов»⁴⁵.

Таким образом, исследователями отмечался параллелизм отдельных образов оды Рылеева «Гражданское мужество» и послания «<Мордвинову>», что говорит о знакомстве с ней Пушкина.

С одой Рылеева сразу же после ее создания познакомился Мордвинов, который оказал благотворное воздействие на дальнейшую служебную карьеру автора. В 1825 г. из печати вышли с посвящением Мордвинову «Думы» Рылеева, а затем его стихотворение «Вере Николаевне Столыпиной», в котором Мордвинов, отец Столыпиной, был упомянут с большим писетом.

К 1823 г. относится еще одно поэтическое упоминание о Мордвинове — в послании Е. А. Баратынского «Г<неди>чу, который советовал сочинителю писать сатиры» (1822–1823):

...редкий муж, вельможа-гражданин,
От дней Фелицыных оставшийся один,
Но смело дух ее хранивший в веке новом,

⁴³ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стих. С. 93.

⁴⁴ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. С. 497. (Здесь же см. примеры, взятые из од М. В. Ломоносова и В. В. Капниста). См. также: Стенник Ю. В. Стихотворение Пушкина «Мордвинову» (К истории создания). С. 179.

⁴⁵ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стих. С. 93.

Обширный разумом и сильный, громкий словом,
Любовью к истине и родине горя,
В советах не робел оспоривать царя,
Когда, прекрасному влечению послушный,
Внимать ему любил монарх великодушный...⁴⁶

3 марта 1824 г. на заседании Вольного общества любителей российской словесности была одобрена статья П. А. Плетнева «Разбор оды Петрова “Его высокопревосходительству Н. С. Мордвинову”, писанной 1796 года», которая вскоре была напечатана в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1824. Ч. 25. № 3. С. 265–284)⁴⁷. По-видимому, в это же время П. А. Плетнев написал в честь Мордвинова и оду под названием «Долг гражданина». Произведение сохранилось в бумагах автора⁴⁸.

После 14 декабря волна литературного интереса к Мордвинову схлынула, хотя его общественная репутация продолжала оставаться высокой. Д. Н. Свербеев вспоминал, что Н. С. Мордвинов «до половины царствования Николая отличался ярым патриотизмом и резкою правдивостью»⁴⁹.

Однако «moda» на печатные восхваления гражданского мужества Мордвинова исчезла вместе с тайными обществами. После восшествия нового царя все знали и о неблаговолении Николая I к Мордвинову, и о слухах относительно его связей с участниками событий 14 декабря.

Отказ Пушкина от публикации послания «Под хладом старости угрюмо угасал...», вполне возможно, был связан с пониманием того, насколько опасным для него было публичное проявление симпатий к Мордвинову.

Неслучайно домашним «одописцем» адмирала в те годы становится сотрудникавший с III отделением Б. М. Федоров⁵⁰. Именно такой втеревшийся в доверие Мордвинова человек был нужен А. Х. Бенкendorfu в качестве поставщика сведений о нем. В «Кратком обзоре общественного мнения за 1827 год», поданном А. Х. Бенкendorfom императору, Мордвинов был назван столпом партии «так называемых русских патриотов». Между тем, III отделение считало эту «партию» «самой опасной частью общества в России».⁵¹ В качестве представителя этой «партии» Мордвинов многократно упоминался и в агентурных донесениях Ф. В. Булгарина⁵² (см., например, в записке об А. П. Ермолове 1827 г.: «Падение его произвело сильнейшее впечатление в умах так называемых рус-

⁴⁶ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 10. О знакомстве Пушкина с произведением Баратынского до момента его публикации в 1827 г. см.: Вацуро В. Э. Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, которыйсоветовал сочинителю писать сатиры» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 59.

⁴⁷ См. об этом: Базанов В. В. Ученая Республика. М.; Л., 1964. С. 432.

⁴⁸ Напечатано: Плетнев П. А. Сочинения и переписка: В 3 т. / Изд. Я. К. Грота. СПб., 1885. Т. 3. С. 300. О соотношении стихотворений Пушкина и Плетнева о Мордвинове см.: Стенник Ю. В. Стихотворение Пушкини «Мордвинову» (К истории создания). С. 176. Ср. в оде Плетнева: «Тебе, потомок исполнинов, На мощных раменах своих Подъявший труд тяжелый их, Тебе, отчизны друг, Мордвинов...»; в послании Пушкини: «Один, на рамена поднявши мощный труд...».

⁴⁹ Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899. Т. 1. С. 25.

⁵⁰ См.: Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. С. 154.

⁵¹ Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 144, 145.

⁵² См.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подг. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 157, 194, 196, 208 и др.

саков <!> и патриотов. Они не скрываются с изъявлением своего негодования и явно кричат противу немецкой партии, которая существует в одном воображении некоторых вельмож (преимущественно Н. С. Мордвинова), которые распространили это мнение в народе»⁵³.

Мнения и взгляды Мордвинова воспринимались III отделением в упрощенном виде. Действительно, он был человеком очень яркой общественной позиции, которую невозможно было игнорировать. Она реализовывалась в «призывах к дворянству поступиться сиюминутными удовольствиями, расходами на роскошь и «широкую жизнь», связывать во всех своих действиях собственный интерес с интересом национальным, учиться, развивать отечественное производство, не жить заслугами предков, не жить праздно на дивиденды или залоговые деньги», это был «призыв следовать собственному примеру Мордвинова»⁵⁴. Многие негативные оценки его деятельности стали реакцией на горячую убежденность Мордвинова в благотворности своего примера.

В романе «Иван Выжигин» (1829) Ф. В. Булгарин представил Мордвинова в сатирическом виде под именем «Чувашин». Это была новая, периода николаевского царствования, литературная мода в отношении Мордвинова, которую ввел тайный агент III отделения. О Чувашине Булгарин писал в своем романе: «...достигнув заслугами отца высоких степеней в самых молодых летах, он помешался от самолюбия и верил от чистого сердца, что поглотил всю человеческую мудрость. Воспитанный с иностранцами и живя всегда в высшем кругу, черпая сведения о разных предметах из иностранных книг, он не знал России и смотрел на нее во всех отношениях через призму иностранного просвещения⁵⁵. На старости в голове его слились в одну массу все теории, все иностранные законы и уложения, вместе с тем что он узнал понаслышике о России, и из этого вышел такой хаос, что добрый старик, при самых лучших намерениях, беспрестанно делал глупости. Долгое время в свете не знали его, и добрые намерения принимали за великие дела. Наконец, узнали, что это не что иное, как опрокинутый шкаф с недочитанными книгами!» О неподкупной честности Мордвинова, воспетой русскими поэтами, и его знаменитых «мнениях» в романе говорилось: «Чувашин был явным покровителем всех *семейных* взяточников и защищал их, где мог и как мог. Многие взяточники нарочно женились, чтобы пользоваться его покровительством, и за то писали для него мнения, которые он выдавал за свои <...> Чувашин, имея доброе сердце, делал зло из одного тщеславия и желания — прослыть Публиколою!»⁵⁶

В этой связи следует отметить, что о деятельности Мордвинова сохранились как самые восторженные, так и резко негативные отклики. По замечанию

⁵³ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. С. 156–157.

⁵⁴ Фивейская М. Г. Н. С. Мордвинов — государственный деятель. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 20.

⁵⁵ Ф. В. Булгарин передавал здесь довольно распространенное в консервативных кругах мнение о Мордвинове как о «русском иностранце». Между тем, Мордвинов был не только активным, не терявшим почвы под ногами либеральным государственным деятелем, но и очень удачливым помещиком и предпринимателем.

⁵⁶ Булгарин Ф. В. Соч. / Сост., вступ. ст. и прим. Н. Н. Львой. М., 1990. С. 320–321. Публий Валерий Публикола (лат. Publius Valerius Publicola) — один из легендарных основателей Римской республики, возглавивший восстание против последнего римского царя Тарквния Гордого, прославился также благодаря введению в действие демократических законов, направленных в пользу бедной части населения, отсюда прозвище «Народолюбец».

М. Г. Фивейской, негативные отзывы о Мордвинове постепенно сосредотачивались у тех авторов и в тех изданиях, где речь шла о Ф. Ф. Ушакове, А. В. Суворове, Г. А. Потемкине, русско-турецкой войне 1787–1791 г.⁵⁷ Таким образом, критическое воззрение на военную, государственную и общественную деятельность Мордвинова существовало в какой-то части русского общества.

Но имела ли право цензура выпустить в публику столь оскорбительные выпады в отношении чиновника высокого ранга и значительных перед Россией заслуг — в таком виде, как в романе Булгарина? На такой шаг мог решиться лишь человек, уверенный в своей полной безнаказанности. Сатири на Мордвинова Булгарин сочинял в расчете на одобрение императора. Его надежды вполне оправдались, и «Иван Выжигин» был высоко оценен Николаем I. Император рекомендовал роман для прочтения даже сидевшему в крепости декабристу А. О. Корниловичу: «Это его развлечет»⁵⁸.

Сложившаяся ситуация покажется особенно примечательной, если вспомнить ту бурю, которая поднялась после публикации в 1836 г. стихотворения Пушкина «На выздоровление Лукулла» (1835) — сатиры на министра народного просвещения С. С. Уварова. Стихотворение вызвало неодобрительный отзыв Николая I, и Пушкин был вынужден давать объяснения Бенкендорфу. После смерти поэта В. А. Жуковский с болью писал об этом эпизоде шефу жандармов: «Но что же эти стихи к Лукуллу? Злая эпиграмма на лицо, даже не пасквиль, ибо здесь нет имени»⁵⁹. В романе об Иване Выжигине, напротив, были видоизмененные, но вполне узнаваемые имена. III отделение это, однако, не беспокоило.

Сатира Булгарина должна была бы вызвать возмущение в какой-то части русского общества — она его и вызвала, судя по чрезвычайно резким отзывам о романе, которые высказали Пушкин, И. В. Киреевский, Н. И. Надеждин. Любопытную реплику по поводу сатиры Булгарина дал Жуковский в первом варианте своего письма к А. Х. Бенкендорфу о закрытии в 1832 г. журнала И. В. Киреевского «Европеец». Эта редакция письма Жуковского была написана по свежим следам события в середине февраля 1832 г., а напечатана в 1896 г. П. И. Бартеневым практически без комментария. В ней Жуковский, подробно остановившись на статье И. В. Киреевского «“Горе от ума” — на московской сцене», превратно истолкованной остзейской верхушкой III отделения, напомнил об «Иване Выжигине»: «Между тем есть у нас романы, в коих... под вымышленными именами обруганы некоторые из живых людей, занимающих в обществе почетное место; эти имена не напечатаны, но были распущены под рукою, и в некоторых вымышленных есть сходство с настоящими. Через это книги получили ход, были раскуплены, и из десяти читателей, конечно, один знал, кого разумел в ругательстве своем автор»⁶⁰. Это был очень прозрачный намек на предвзятое отношение III отделения к статье Киреевского, о которой ходила молва, что именно она была поводом к закрытию журнала «Европеец», и на особые права, имевшиеся у Булгарина на обличение неугодного Мордвинова.

⁵⁷ См.: Фивейская М. Г. Н. С. Мордвинов — государственный деятель. С. 8–9.

⁵⁸ Шеголев П. Е. Благоразумные советы из крепости // Современник. 1913. Кн. 2. С. 293.

⁵⁹ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 622.

⁶⁰ Русский архив. 1896. № 1. С. 116.

Щекотливость при малейшем упоминании о положении около русского трона выходцев из «немецких провинций», с одной стороны, а с другой — попустительство в оскорблении маститого русского вельможи, известного и почитаемого в обществе, — вот что возмущало Жуковского, которого Булгарин считал главой придворной «русской партии». Любопытная подробность: говоря о Булгарине, Жуковский написал об изображении им известных в обществе лиц лишь в первом варианте своего письма. Из второй редакции письма он это исключил, сосредоточившись на самом главном: Жуковский считал, что III отделение, говоря современным языком, превысило свои полномочия, расправившись с Киреевским за мнимые намеки на привилегии ортзейского «землячества»⁶¹.

История с резко обличительной сатирой Булгарина показывает, в каком сложном положении находился в начале николаевского царствования Мордвинов. Пушкин, вероятно, обо всем этом знал и поэтому не стал публиковать свое послание «Под хладом осени угрюмо угасал...», хотя оно было им почти закончено. Возможно, поэт некоторое время обдумывал возможность его публикации. Выход «Ивана Выжигина» окончательно показал, насколько она была бы несвоевременной. Несомненно, Николай I крайне отрицательно отнесся бы к такому посланию. Да и через «высочайшую цензуру» послание, вероятнее всего, не прошло бы. Именно поэтому оно так и осталось в рукописи.

⁶¹ Подробнее см.: Березкина С.В. Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб., 2004. С. 226–248.